

Вашингтон Ирвинг. «Легенда об арабском астрологе»

Annotation

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик, которого выдвинула американская литература.

Легенда об арабском астрологе

Давным-давно, много столетий назад, жил-был мавританский султан по имени Абен Абус, повелитель Гранады. Это был завоеватель в отставке, то есть, говоря по-иному, тот, кто когда-то, в дни своей молодости, проводил жизнь в беспрерывных набегах и грабежах, а теперь, состарившись и одряхлев, «жаждал покоя» и мечтал лишь о том, чтобы жить в ладу со всем миром, почивать на лаврах и безмятежно править владениями, некогда отнятыми им у соседей. Случилось, однако, что этому в высшей степени благоразумному и миролюбивому старцу монарху пришлось столкнуться с молодыми соперниками юными принцами, исполненными его былой страсти к славе и битвам и склонными потребовать от него уплаты по счетам, завещанным их отцами. К тому же некоторые отдаленные области его государства, которыми он в дни своей мощи управлял надменно и гордо, ныне, когда он «жаждал покоя», обнаруживали готовность восстать, и существовала опасность, что они двинутся на столицу. Таким образом, враги грозили ему отовсюду, а так как Гранада окружена дикими и крутыми горами, скрывающими приближение неприятеля, бедный Абен Абус, не зная, с какой стороны ожидать нападения, пребывал в состоянии вечной тревоги и настороженности.

Понапрасну выстроил он в горах великоле́пное множество сторожевых башен, понапрасну расположил на перевалах дозоры с приказом в случае приближения неприятеля жечь по ночам костры, а днем курить дымом. Юркие, увертливые враги, несмотря на его бесчисленные меры предосторожности, пробирались через какое-нибудь неведомое ущелье, под самым его носом разоряли принадлежавшие ему земли, после чего уходили с пленными и добычею в горы. Бывал ли когда-нибудь миролюбивый и удалившийся в отставку завоеватель в более неприятном, более тягостном положении?

Как раз в то самое время, когда эти тревоги и неприятности особенно одолевали Абен Абуса, ко двору его прибыл старый-престарый арабский врач. Его седая борода ниспадала до пояса, и вообще вся его внешность свидетельствовала о крайне преклонном возрасте; впрочем, он проделал путь из Египта пешком, не пользуясь никакой иной помощью, кроме помощи посоха, исчерченного иероглифами. Молва предшествовала ему. Звали его Ибрагим ибн Абу Аюб; говорили, что он родился еще во времена Магомета и что отец его последний сподвижник пророка. Следуя за победоносным войском Амру^[1] еще ребенком попал он в Египет, где и провел многие годы, изучая у египетских жрецов чернокнижие и особо усердно магию.

Утверждали, кроме того, будто он отыскал секрет продления жизни, благодаря чему и живет более двух столетий, но, так как это открытие было сделано им, когда он был уже в летах, ему удалось увековечить лишь седые волосы и морщины.

Этот необычайный старец был с почетом принят султаном, который, подобно большинству престарелых монархов, с некоторых пор стал питать к врачам особую

благосклонность. Он хотел поместить его у себя во дворце, но астролог предпочел пещеру на том склоне холма, который подымается над Гранадой и на котором впоследствии была выстроена Альгамбра. Он велел расширить и отделать эту пещеру так, чтобы получилось нечто вроде просторного и высокого зала с круглым отверстием в потолке, сквозь которое, как со дна колодца, он мог бы рассматривать небо и даже в полдень наблюдать звезды. Стены зала были расписаны египетскими иероглифами, символами Каббалы и знаками Зодиака. Этот зал он уставил множеством всяких приборов, изготовленных под его наблюдением искуснейшими мастерами Гранады, приборов, таинственные свойства которых были известны однако, лишь ему одному.

Вскоре мудрец Ибрагим стал ближайшим советником своего государя, прибегавшего к его помощи при любом затруднении. Случилось, что как-то Абен Абус обличал несправедливость соседей и горько сетовал, что ему приходится быть постоянно настороже, дабы ограждать себя от вторжений. Выслушав эти жалобы, астролог, выждав немного, сказал:

— Да будет ведомо тебе, о государь, что, пребывая в Египте, я видел великое чудо, сотворенное некогда языческой жрицею. Над городом Борса, на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила, стоит баран и на нем петушок — оба из литой меди, — и они свободно вращаются на своем стержне. Всякий раз, как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кукарекает, благодаря чему жители города заранее знают о надвигающейся опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры.

— Великий боже! — воскликнул миролюбивый Абен Абус. — Каким бесценным сокровищем был бы для меня подобный баран, зорко стерегущий окрестные горы; каким сокровищем был бы петух, кукарекающий в час опасности! Алла акбар!^[2] Как мирно почивал бы я у себя во дворце, имея на крыше таких часовых!

Астролог выждал, пока утихли восторги султана, и затем продолжал:

— После того как победоносный Амру (мир праху его!) завершил завоевание Египта, я поселился среди местных жрецов, изучая обряды и церемонии языческой веры и стремясь овладеть их тайными знаниями, благодаря которым они пользуются известностью во всем мире. Однажды, сидя на берегу Нила, я беседовал с одним дряхлым жрецом; вдруг он указал на могучие пирамиды, вздымающиеся среди пустыни подобно высоким горам. «Все, чему мы можем тебя научить, — сказал он, — ничто рядом со знанием, скрытым в этих величественных строениях. Внутри той пирамиды, что находится посередине, замурован погребальный зал, в котором покоятся мумия верховного жреца, содействовавшего постройке этого громадного здания, и вместе с ним погребена также священная книга, заключающая в себе всю нашу науку, все тайны магии и колдовства. Эта книга была дана Адаму после грехопадения и, переходя из поколения в поколение, попала в конце концов в руки премудрого царя Соломона, который, руководясь ее указаниями, воздвиг знаменитый иерусалимский храм. Каким образом она затем оказалась собственностью строителя пирамид, то ведомо лишь тому, для кого вообще не существует никаких тайн».

Едва я услышал слова египетского жреца, как сердце мое загорелось желанием овладеть этой книгой. Имея в своем распоряжении изрядное число воинов нашего победоносного войска, а также многих египтян, я, собрав этих людей, приступил к работе и начал пробивать глыбы твердого камня, пока не добрался после неимоверных трудов до одного из внутренних потайных ходов. Следуя по этому ходу и миновав опаснейший лабиринт, я проник в самое сердце пирамиды, в погребальный зал, где многие столетия покоилась мумия верховного жреца. Вскрыв саркофаг и сняв бесчисленные повязки, в которые была запеленута мумия, я отыскал наконец на груди покойника драгоценную книгу. Схватив ее дрожащей рукой, я ощупью выбрался из пирамиды, оставив мумию в темной и безмолвной гробнице дожидаться дня воскресения мертвых и Страшного суда.

– Сын Абу Аюба! – воскликнул Абен Абус. – Ты великий путешественник и, спору нет, повидал много чудес, но что мне до тайн какой-то неведомой пирамиды и книги премудрости царя Соломона!

– Вот об этом, повелитель, я и поведу речь. Благодаря этой книге я выучился искусству магов и располагаю помощью джиннов^[3] для достижения своих целей. Тайна чудесного барана из города Ворса для меня больше не тайна, я в силах сотворить такое же чудо; впрочем, нет – мое чудо еще поразительней!

– О премудрый сын Абу Аюба! – вскричал Абен Абус. – Один такой баран несравненно полезнее, чем все сторожевые башни в горах и великое множество часовых на границах. Сотвори мне такого стража – и богатства моей сокровищницы – твои.

Астролог, дабы угодить султану, тотчас же принялся за работу. Он велел взвести на кровле дворца, стоявшего на скалистом выступе холма Альбайсин, высокую башню. Она была сложена из камней, доставленных из Египта и снятых, как говорят, с пирамиды. В верхнем ярусе этой вновь отстроенной башни помещалась небольшая круглая горница с окнами, выходящими на все стороны небосклона; у каждого окна стоял стол. На нем, точно шахматы на доске, было расставлено целое деревянное войско пеших и конных воинов во главе с фигуркою, изображающей государя, чьи владения простирались в той стороне, на которую выходило окно. На каждом столе лежало также крошечное копье, величиною с сапожное шило, с вырезанными на нем халдейскими письменами. Эта горница была всегда на запоре: в нее вела медная дверь с огромным стальным замком, ключ от которого хранился у самого султана Абен Абуса.

Макушку башни увенчивал шпиль; на этом шпиле была укреплена фигура мавританского всадника, который в одной руке держал щит, а в другой отвесно поднятое копье. Лицо всадника было обращено к городу, точно он охранял его и следил за порядком; но если на Гранаду двинется неприятель, всадник тотчас же повернется в нужную сторону и возьмет на изготовку копье, как бы собираясь пустить его в дело.

Чудесный талисман был наконец изготовлен, и Абен Абус стал нетерпеливо ожидать случая, который позволил бы испытать его необыкновенные свойства; теперь он столь же пламенно жаждал нашествия, как прежде – покоя. Его желания вскоре исполнились. Однажды – это произошло в ранний утренний час страж, приставленный охранять башню, прибежал с вестью, что бронзовый всадник повернулся лицом к Эльвирским горам и его копье направлено прямо на перевал Лопе.

– Пусть бьют в барабан и трубят в трубы, пусть зовут горожан к оружию, пусть вся Гранада будет поставлена на ноги! – приказал Абен Абус.

– О повелитель, – молвил астролог, – незачем тревожить твой город и звать к оружию воинов; мы не нуждаемся в силе, чтобы избавиться от врагов. Отпусти свиту, и поднимемся в нашу секретную горницу.

Престарелый Абен Абус поднялся по башенной лестнице, опираясь на руку еще более престарелого Ибрагима ибн Абу Аюба. Они отомкнули медную дверь и вошли. Окно, обращенное в сторону перевала Лопе, было открыто.

– В этом-то направлении, – заявил астролог, – и таится опасность; приблизься, о повелитель, и познай тайну стола.

Султан Абен Абус подошел к столу, на котором, словно на шахматной доске, были расставлены крошечные фигурки, резанные из дерева. Вдруг, к своему великому изумлению, он обнаружил, что они двигаются, будто живые. Гарцевали и выделывали курбеты кони, воины размахивали мечами и копьями, слышались глухие и слабые звуки барабанов и труб, звон оружия, ржанье боевых скакунов, причем все было не громче и не отчетливее, чем журчание пчелы или мухи над ухом дремлющего в тени в знойный полуденный час.

– Заметь себе, о повелитель, – сказал астролог, – пред тобою свидетельство, что враги твои уже идут на тебя. Они сейчас вот в этих горах и должны пройти через перевал Лопе. Если желаешь посеять среди них панику и смятение, заставить их отступить без пролития

крови, прикоснись к фигурам тупым концом магического копья; но если тебе больше по сердцу кровавая распра и побоище между ними, коснись его острием.

Лицо Абен Абуса стало мертвенно-бледным; дрожа от нетерпения, схватил он игрушечное копье, и его седая борода тряслась от овладевшего им ликования, когда он ковылял, направляясь к столу.

— Сын Абу Аюба! — вскричал он, хихикая. — Полагаю, что малая толика крови все же необходима.

С этими словами он рьяно взялся за дело: одни фигурки он колол острым концом магического копья, другие ударял его тупой стороною; иные из них тут же пали, иные, обратившись друг против друга, начали беспорядочное побоище.

Астрологу с величайшим трудом удалось остановить руку миролюбивейшего из государей и удержать его от поголовного истребления неприятеля; наконец он убедил султана покинуть башню и послать в горы, к перевалу Лопе, разведчиков.

Они вернулись с известием, что христианскому войску удалось проникнуть в самое сердце окрестных гор и оно было уже почти что в виду Гранады, но в его рядах возникли раздоры, и после кровавой братоубийственной сечи оно удалилось в свои пределы.

Испытав на деле замечательные свойства чудесного талисмана, Абен Абус был в восторге.

— Наконец-то, — повторял он, — я могу вести спокойную жизнь и держать врагов в своей власти. О премудрый сын Абу Аюба, чем же вознаградить тебя за столь великое благодеяние?

— Потребности старца, к тому же философа, нетрудно исчислить — они скромны: предоставь мне средства, чтобы обставить мою пещеру и превратить ее в более или менее сносную келью отшельника, — и большего мне не нужно.

— О, сколь благородна умеренность настоящего мудреца! — воскликнул Абен Абус, втайне довольный незначительностью просимого философом вознаграждения. Он позвал своего казначея и дал ему приказание не ограничивать Ибрагима в расходах и отпускать ему столько денег, сколько понадобится для расширения и убранства ...

... его скромной кельи.

Астролог велел вырубить в скале анфилады комнат, и притом так, чтобы они соединялись с его астрологическим залом; он пожелал обставить эти покои роскошными турецкими диванами и завесить стены драгоценными шелками Дамаска. «Я стар, — говорил он, — я не могу томить свои кости на каменном ложе; что же касается сочащихся сыростью стен, то нужно же их прикрыть».

Сверх того, он выстроил бани, снабдив их всевозможными благовониями и ароматическими маслами, «ибо омовение, — сказал он, — необходимо, чтобы бороться со старостью и восстанавливать свежесть и гибкость истомленного умственными трудами тела».

Он велел, кроме того, повесить во вновь выстроенных покоях неисчислимые хрустальные и серебряные светильники, которые заправлялись ароматическим маслом, приготовленным согласно рецепту, найденному им в гробницах Египта. Оно было неугасимым и вечным и горело неярким и ровным светом, который, напоминая дневной, был вместе с тем мягче его. «Солнечный свет, — говорил он, — слишком резок и ярок для старческих глаз, тогда как порожденный светильником больше подходит для занятий философа».

Между тем казначей Абен Абуса начал ворчать из-за непомерности сумм, ежедневно расходуемых астрологом на отделку и украшение его кельи; в конце концов он отправился со своими жалобами к султану. Но раз царское слово дано, оно нерушимо. Абен Абус только пожал плечами.

— Мы должны запастись терпением, — сказал он, — старик задумал устроить жилище философа в соответствии с тем, что он видел внутри пирамид и среди гигантских развалин Египта; но всему бывает конец, — то же случится и с расходами по убранству его пещеры.

Султан был прав; келья была наконец отделана и обставлена; она представляла собою великолепный подземный дворец. Астролог заявил, что теперь ему уже ничего не потребуется, и, запершись у себя, провел трое суток в непрерывных трудах. После этого он снова пришел к казначею.

— Мне нужна еще одна вещь, — сказал он. — Дело идет о совершеннейшем пустяке, о том, что доставит мне развлечение в перерывах между моими занятиями.

— О премудрый мой Ибрагим, я имею султанское приказание снабжать тебя всем, что бы в твоем уединении тебе ни понадобилось; чего ты еще желаешь?

— Мне хотелось бы иметь нескольких танцовщиц.

— Танцовщиц! — повторил, как эхо, поверженный в изумление казначей.

— Да, танцовщиц, — ответил степенно мудрец, — пусть они будут молоды и приятны на вид, ибо лицезрение юности и красоты действует на стариков освежающе. Мне достаточно будет немногих, ибо я — философ, потребности мои невелики и удовлетворить их нетрудно.

Пока философ Ибрагим ибн Абу Аюб столь мудро проводил время у себя в келье, миролюбивый Абен Абус, сидя в башне, заочно предавался яростным битвам.

И действительно, разве не замечательное занятие для престарелого государя, и притом миролюбца, вести войны с такой поразительной легкостью, не выходя из собственной комнаты, и шутя рассеивать целые армии, точно дело шло о каких-нибудь мушиных роях! Мало-помалу он настолько вошел во вкус этой забавы, что принял даже задирать и оскорблять соседних монархов, стремясь вызвать их на войну, но, потерпев неоднократные поражения, они становились все более и более осторожными, и в конце концов среди них не осталось ни одного, кто бы отважился пойти походом на его земли. В течение многих месяцев бронзовый всадник неизменно пребывал в одном положении, а именно — с поднятым кверху копьем, и почтенный старый султан, тоскуя по привычной забаве, начал жаловаться на скуку и стал раздражителен.

Наконец настал вожделенный день: волшебный всадник круто повернулся на своем шпиле и, опустив копье, замер в том направлении, где высятся горы Гвадиса. Абен Абус торопливо поднялся на свою башню, но — увы! — магический стол оставался спокойным, воины сохраняли полную неподвижность. Озабоченный этой непостижимой загадкой, он выслал конный отряд с приказанием произвести разведку в горах. Разведчики возвратились через три дня.

— Мы обшарили все перевалы, все тропы, — сообщили они, — но нигде не шелохнулись ни один вражеский шлем, ни одно копье. Единственное, что мы обнаружили за время наших разъездов, — это христианская девушка редкостной красоты, спавшая в знойный полдень у родника, и эту девушку мы привезли с собою как пленницу.

— Девушку редкостной красоты! — воскликнул Абен Абус, и его глаза загорелись воодушевлением. — Пусть она немедленно представит пред наши очи!

В соответствии с приказанием красавицу немедленно привели перед его очи. Она была одета с той роскошью, какая господствовала среди испанских вестготов во времена арабского завоевания. Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в ее черные как смоль волосы, на ее лбу сверкали драгоценные украшения, соперничавшие с сиянием ее глаз. Через плечо была перекинута золотая цепь, на которой висела лира из чистого серебра, покоявшаяся у нее на бедре.

Вспышки пламени в ее черных, излучающих сияние глазах были подобны огненным искрам для увядшего, но все еще способного загораться сердца Абен Абуса; к тому же сладостная нега, разлитая в ее плавной походке, оживила его уснувшие чувства.

— О прелестнейшая из женщин, — вскричал он, охваченный восхищением, кто ты и что ты?

— Дочь одного из готских государей, еще недавно властвовавшего на этой земле. Но войско моего отца, как по мановению волшебного жезла, погибло в горах; он стал изгнаниником, а его дочь — пленницей.

– Берегись, о повелитель! – прошептал Ибрагим ибн Абу Аюб. – Возможно, что это одна из колдуний Севера, которые, по слухам, принимают самый соблазнительный вид, дабы обмануть легковерного. Мне кажется, я вижу колдовские чары в ее глазах и волшебство в каждом ее движении. Она, несомненно, тот враг, на которого указует нам талисман.

– Сын Абу Аюба, – ответил султан, – ты мудрейший из мудрых, отдаю тебе должное; ты волшебник, насколько я понимаю, но ты недостаточно сведущ в том, что касается женщин. В этом деле я не уступлю никому, даже самому премудрому Соломону, несмотря на всех его жен и наложниц. Что касается этой девушки, то я не вижу тут никакой опасности; она прекрасна, на нее приятно смотреть, и она располагает к себе.

– Выслушай, о повелитель, – молвил астролог. – При помощи моего талисмана я даровал тебе много побед, но я никогда не просил своей доли в добыче. Отдай мне эту случайную пленницу, дабы я мог уладить свое одиночество звуками ее серебряной лиры. Если она и в самом деле колдунья, я найду соответствующие заклятия, чтобы победить ее чары.

– Что? Так тебе еще женщин! – вскричал Абен Абус. – Разве не довольно танцовщиц для твоего развлечения?

– У меня есть танцовщицы, это верно, но у меня нет певиц. А между тем мне хотелось бы прослушать песню-другую, чтобы освежить ум, истомленный трудами.

– Уволь меня наконец от своих домогательств, отшельник! – нетерпеливо бросил султан. – Эту девушку я забираю себе. Она мне нравится, я нахожу в ней такую же радость, какую находил Давид, отец Соломона Премудрого, в обществе юной Абишаг Сунамит.

Дальнейшие просьбы и уверщания астролога повлекли за собою еще более решительные отказы монарха; они расстались, испытывая взаимное неудовольствие. Мудрец заперся у себя в подземелье и предался размышлению о постигшей его неудаче; впрочем, прежде чем окончательно удалиться, он еще раз предупредил султана, чтобы тот остерегался своей обольстительной, однако роковой пленницы. Но где тот влюбленный старец, который внедрит здравым советам? Абен Абус отдался во власть своей страсти. Его единственная забота состояла теперь только в том, чтобы понравиться готской красавице. Он не мог, правда, прельстить ее молодостью, но зато был богат, а если влюбленный немолод, он, как правило, отличается щедростью. В поисках драгоценных товаров Востока был перерыт весь гранадский базар; шелка, ювелирные изделия, драгоценные каменья, изысканные духи, все, что Азия и Африка доставляют редкостного и роскошного, – все это в изобилии расточалось для прекрасной принцессы. Чтобы доставить ей развлечение, измышились всевозможные зрелища и торжества – состязания менестрелей, пляски, турниры, бой быков. Гранада превратилась теперь в арену непрерывного празднества. Готская принцесса, однако, смотрела на весь этот блеск с таким видом, точно привыкла к подобному великолепию. Она принимала его как дань, подобающую ее знатному происхождению или, вернее, красоте, ибо красота еще более требовательна, чем знатность. Мало того, казалось, что она испытывает тайное удовольствие, побуждая султана к расходам, истощавшим его казну, и принимая его неслыханные щедроты как нечто вполне обыденное. Несмотря на свою настойчивость и расточительность, престарелый влюбленный не имел, таким образом, никаких оснований обольщаться надеждой, что ему удалось задеть ее сердце. Она, правда, никогда не хмурилась, но никогда и не улыбалась. Едва он заводил речь о пожирающей его страсти, она тотчас же ударяла по струнам своей серебряной лиры. В звуках этого инструмента заключалось таинственное очарование. В тот же миг султан начинал клевать носом; его одолевала сладкая дрема, и он в конце концов погружался в сон, от которого пробуждался удивительно свежим и бодрым, но начисто забывшим на время о своей страсти. Это опрокидывало его расчеты, но овладевший им сон сопровождался приятными сновидениями, целиком поглощавшими пыл сонливого старца; и вот он продолжал себе безмятежно дремать, между тем как Гранада потешалась над его увлечением и роптала, что государственная казна расточается на колыбельные песни.

В конце концов над головою Абен Абуса собралась все же гроза, предупредить которую оказался не в силах даже волшебный всадник на башне. В самой столице вспыхнул мятеж; дворец был окружен вооруженным народом, грозившим лишить жизни султана и его фаворитку-христианку. В груди престарелого монарха вспыхнула, впрочем, искра былой воинственности. Во главе кучки телохранителей он вышел навстречу восставшим, обратил их в бегство и подавил мятеж в самом зародыше.

Едва водворилось спокойствие, он вызвал астролога, все еще сидевшего у себя взаперти и пережевывавшего горькую жвачку обиды.

Абен Абус обратился к нему со словами примирения.

– О премудрый сын Абу Аюба, – сказал он, – ты справедливо предупреждал меня об опасности, грозящей со стороны пленной красавицы; скажи мне – ты ведь умеешь отвращать гибель, – скажи: что мне делать, дабы ее избежать?

– Отошли от себя эту неверную, которая причиной всему.

– Скорее я расстанусь со своим царством! – воскликнул Абен Абус.

– Тебе угрожает опасность потерять их обоих, – ответил астролог.

– Не будь бесчувственным и не тай злобы, о глубокомысленнейший из мудрецов, пойми мои горести и как монарха и как влюбленного, придумай способ защитить меня от неприятностей, которые мне грозят. Я не гонюсь ни за величием, ни за властью, я ищу только отдохновения. О, если бы у меня было какое-нибудь убежище, куда бы я мог уединиться от света со всеми его заботами, суетой и тревогами и провести остаток дней моих в любви и спокойствии!

Астролог на мгновение остановил на нем взгляд, сверкнувший из-под густых, косматых бровей:

– А чем ты вознаградишь меня, если я создам тебе такое убежище?

– Назови сам свою плату; чего бы ты ни потребовал, будь только оно в моей власти, – клянусь душою, – оно будет твоим.

– Ты слышал, о повелитель, о саде Ирем, одном из чудес счастливой Аравии?

– Да, я слышал о нем – он упоминается в Коране, в главе, называемой «Утренняя заря». Я слышал, сверх того, от паломников, побывавших в Мекке, самые невероятные вещи, но я полагал, что это нелепые басни, подобные тем, которые обычно рассказывают путешественники, посетившие дальние страны.

– О, не поноси, повелитель, рассказов, слышанных из уст путешественников, – возразил сурово астролог, – ибо в них содержатся драгоценные зерна знания, принесенные ими с края земли. Что же касается дворца и сада Ирем, то все, что обычно о них повествуется, сущая правда; я видел их собственными глазами. Выслушай, что случилось со мною, ибо это имеет отношение к твоим чаяниям.

В дни моей юности – тогда я был простым арабом пустыни – на моем попечении были верблюды отца. Когда мы однажды пересекали пустыню Аден, один из них отбылся от остальных и я его потерял. Тщетно искал я его в течение дней, пока наконец, измученный и истощенный, не улегся в полуденный зной в тени пальмы у одного почти высохшего колодца. Проснувшись, я обнаружил, что предо мною городские ворота. Я прошел через них и увидел великолепные улицы, парки, базары, но все было безмолвно – я не встретил ни одного человека. Я ходил по улицам и площадям, пока не набрел на роскошный дворец среди огромного сада, в котором изобиловали фонтаны, пруды, цветники, тенистые заросли и ряды фруктовых деревьев, обремененные изумительными плодами; но и тут не было ни души. Устрашенный этим безлюдьем, я потопался выйти из города и, снова пройдя сквозь ворота, обернулся назад, чтобы в последний раз взглянуть на него, но ничего не увидел, ничего, кроме безмолвной пустыни, расстилавшейся перед моими глазами.

Невдалеке я встретил дряхлого дервиша, посвященного в предания и тайны этой страны, и поведал ему о том, что со мною произошло.

— Ты видел, — сказал он, — прославленный сад Ирем, одно из чудес пустыни. Время от времени он предстает перед глазами усталого путника, как это случилось с тобою, радуя его взор своими дворцами, башнями и рядами плодовых деревьев, гнувшихся под тяжестью обильного урожая; потом он исчезает, ...

... и на его месте остается только пустыня. Вот история этого сада: в стародавние времена, когда эту область населяли эддиты, царь Шедад, сын Ада, правнук Ноя, заложил здесь блестящий великолепием город. Когда город был выстроен и царь увидел воочию, насколько он величав и богат, сердце его преисполнилось гордости и тщеславия, и он решил взвести также царский дворец, окруженный садами, которые могли бы соперничать с упоминаемыми в Коране райскими кущами. За его надменность на него пало проклятие неба. Он и его подданные были стерты с лица земли, а на его великолепный город, дворец и сад были наложены вечные чары, которые скрывают их от взоров людей, и лишь изредка он предстает перед ними, чтобы память о грехе царя сохранилась навеки.

Этот рассказ, о повелитель, и чудеса, которые мне довелось повидать, запечатлелись в моей душе. По прошествии многих лет, будучи в Египте и отыскав книгу премудрости Соломона, я решил возвратиться в пустыню и побывать снова в садах Ирема. Я так и сделал, и они открылись моему посвященному взору. Я поселился в покоях Шедада и провел несколько дней в этом подобии рая. Джиннов, стерегущих эти места, я подчинил своей магической власти; они открыли мне чары, благодаря которым был создан сад и которые сделали его незримым для всех. Подобный дворец и сад, о повелитель, я могу создать для тебя хотя бы здесь, на горе, что над городом. Разве мне не подвластны все чары и разве я не обладаю книгой премудрости Соломона?

— О высокоученый сын Абу Аюба! — воскликнул Абен Абус, дрожа от волнения. — Ты воистину путешественник, и ты повидал и постиг воистину чудесные вещи! Создай для меня такой рай и требуй с меня хоть полцарства!

— Увы, — ответил тот, — ты знаешь, что я — стариk и философ, довольствующийся немногим; все, чего я хочу от тебя в виде награды, — отдай мне животное, которое первым войдет в магические ворота вместе с его ношей.

Султан охотно согласился на столь скромное требование, и астролог взялся за работу. На вершине горы, над своею подземною кельей он велел возвести крепкую башню с большими крепостными воротами, или барбакан.

Перед башней был устроен подъезд, или портик, с высоким сводом, а внутри нее — главный вход, защищенный массивными, крепко сколоченными воротами. На своде главного входа астролог собственноручно изобразил большой ключ, а на своде внешней стороны портика, который был выше арки главного входа, высек гигантскую руку. Это были всемогущие талисманы, над которыми он прочел многочисленные заклинания на неведомом языке.

По окончании постройки этих ворот он заперся на два дня у себя в астрологическом зале и погрузился в какие-то таинственные занятия; на третьи сутки он поднялся на гору и провел на ее вершине весь день. Поздно ночью он спустился наконец вниз и предстал пред Абен Абусом.

— О повелитель, — сказал он, — мой труд завершен. На вершине горы высится один из самых чудесных дворцов, какие были созданы человеческой мыслью и о каких мечтали когда-либо человеческие сердца. В нем — роскошные залы и галереи, изумительные сады, источающие прохладу, фонтаны и благовонные бани, короче говоря, вся гора превращена в рай. Подобно садам Ирема, он находится под покровительством всемогущих чар, скрывающих его от взора и поисков смертных, не знающих тайны его талисманов.

— Довольно! — вскричал обрадованный Абен Абус. — Завтра на рассвете мы поднимемся наверх и вступим во владение этим чудом.

В эту ночь счастливый монарх почти не сомкнул глаз. Едва солнечные лучи заиграли на снежных вершинах Сьерра-Невады, как он сел на коня и в сопровождении избранных

приближенных стал подниматься по крутой и узкой тропинке на гору. Рядом с ним ехала на белом коне принцесса; ее платье искрилось от драгоценных каменьев, шею ее обвивала цепь червонного золота, на которой висела лира из чистого серебра. По другую сторону шел астролог, опираясь на посох с иероглифами, ибо он никогда не ездил верхом.

Абен Абус нетерпеливо посматривал вверх, не сверкают ли башни дворца и не видны ли на высотах террасы, густо засаженные садами, но он ничего не видел.

— Таинственность и неприступность этого места, — успокаивал астролог султана, — от того и зависят, что, пока не пройдешь зачарованные ворота и не вступишь в пределы дворца, все остается скрытым от взора.

Приблизившись к воротам, астролог остановился и указал султану на таинственные руку и ключ, высеченные на портике и на арке.

— Вот талисманы, преграждающие вход в этот рай, — сказал он. — Пока рука не опустится и не схватит ключа, ни сила человека, ни искусство мага не одолеют властелина этой горы.

И когда Абен Абус, онемевший от изумления, глядел с разинутым ртом на эти чудесные талисманы, иноходец принцессы, пройдя вперед, вошел через ворота главного входа и вместе со своей ношей оказался внутри барбакана.

— Смотри-ка! — вскричал астролог. — Вот обещанная награда: животное, которое первым войдет с ношей в магические ворота!

Абен Абус улыбнулся, ибо посчитал это шуткой почтенного старца, но когда он увидел, что тот говорит всерьез, его седая борода затряслась от негодования.

— Сын Абу Аюба, — сказал он суворо, — это — недостойное крючкотворство. Ты отлично знаешь смысл моего обещания: животное, которое первым войдет в эти ворота, вместе с его ношью. Возьми лучшего из моих мулов, нагрузи его драгоценностями моей сокровищницы, и все это будет твоим; но не смей возвышать свои мысли до той, кто является отрадою моего сердца.

— К чему мне богатства? — презрительно бросил астролог. — Разве я не владею книгой премудрости Соломона и благодаря ей — всеми сокровищами земли? Принцесса принадлежит мне по праву, ты ее мне обещал, и я требую ее как свою собственность.

Принцесса поглядывала на них с высоты коня, и этот спор седобородых старцев из-за обладания юностью и красотой вызвал на ее алых губках легкую презрительную усмешку. Гнев монарха заставил его забыть об учтивости.

— О низкий сын жалкой пустыни! — вскричал он. — Ты, несомненно, властвуешь над многими волшебствами, но знай, что властелин над тобою — я; не рассчитывай, что тебе удастся надуть своего повелителя.

— Властелин! Повелитель! — повторил, как эхо, астролог. — Властитель кротовой норы требует повиновения от того, кому подвластны талисманы самого Соломона? Прощай же, Абен Абус! Владей своим крошечным царством, пирий в раю дураков; что до меня, то я в моем философском уединении досыта посмеюсь над тобою.

Произнеся эти слова, он схватил под уздцы иноходца принцессы, ударил своим посохом оземь и провалился вместе с нею под землю, тут же посреди барбакана. И в том месте, где разверзлась земля и они изникли, не осталось ни малейших следов.

От изумления Абен Абус на некоторое время утратил дар речи. Придя в себя, он приказал, чтобы тысячи рабочих били кирками и рыли лопатами в том месте, где исчезли астролог с принцессой. Они рыли и рыли, но все было тщетно; каменные недра горы сопротивлялись бесплодным усилиям; если им и удавалось врваться чуть глубже, земля смыкалась все снова и снова, по мере того как они вынимали ее из ямы. Абен Абус стал разыскивать вход в пещеры, скрытые в недрах горы; некогда этот вход находился у подошвы ее и вел в подземные чертоги астролога, но его так и не удалось отыскать. Там, где когда-то было отверстие, теперь виднелась мощная гладь девственной горной породы. Вместе с исчезновением Ибрагима ибн Абу Аюба прекратилось и благодетельное действие талисманов. Бронзовый всадник пребывал неподвижным с лицом, обращенным

к горе, копье его было направлено прямо туда, где провалился астролог, словно именно тут и скрывается злейший враг султана Абен Абуса.

Время от времени откуда-то из-под земли доносились глухие звуки музыки и женского голоса; один крестьянин сообщил как-то султану, что минувшую ночью он нашел в скале трещину, сквозь которую заглянул внутрь и увидел подземный чертог и астролога, сидевшего на роскошном диване и дремавшего под звуки серебряной лиры; эта лира, видимо, имела над стариком философом необыкновенную власть.

Абен Абус принял за поиски этой щели в скале, но она бесследно закрылась; ее не нашли. Он снова и снова возобновлял попытки извлечь соперника из-под земли – все было напрасно. Чары руки и ключа были слишком могущественны, чтобы их могла одолеть власть человека. Что же касается вершины горы – места расположения обещанного дворца и сада, – то она оставалась пустынной и голой; очевидно, этот обетованный элизий был скрыт силою волшебства от глаз человеческих, либо он был только басней астролога. Люди благодушно пришли к последнему выводу, так что некоторые стали называть это место «Султанская блажь», а другие – «Рай дурака».

В довершение несчастий Абен Абуса соседи, которых он, пребывая под защитой волшебного всадника, задирал, презирал и истреблял в свое удовольствие, проведав, что он лишился своих магических чар, стали со всех сторон устраивать набеги на его земли, и остаток жизни миролюбивейшего из государей прошел в непрерывных тревогах и беспокойстве.

Наконец Абен Абус умер и был погребен. Миновали многие годы. На горе, с которой связано столько событий, выстроена Альгамбра, и в ней до некоторой степени явлены миру сказочные красоты сада Ирем. Впрочем, очарованные ворота существуют доныне; они все еще, без сомнения, пребывают под покровительством магической руки и ключа, называются Вратами Правосудия и служат главным входом в эту старинную крепость. Под этими крепостными воротами, как говорят, в своем подземном жилище все еще обитает астролог, по-прежнему дремлющий на своем ложе, по-прежнему убаюкиваемый серебряной лирой принцессы.

Старые инвалиды, стоящие тут на часах и несущие охрану ворот, слышат иной раз какое-то пение и музыку, особенно в летние ночи, и, уступая их сноторвному действию, мирно почивают у себя на постах. Мало того, клонящие долу флюиды здесь настолько могущественны, что даже те, кто несут службу в дневные часы, обыкновенно дремлют на каменных скамьях внутри барбакана или похрапывают где-нибудь в тени соседних деревьев, так что, говоря по правде, среди всех постов христианского мира эти – самые что ни на есть клонящие долу. И все это, как утверждают предания старины, продлится много, много веков. Принцесса по-прежнему будет пленницею астролога, астролог по-прежнему будет впадать в магический сон, навеваемый на него принцессой, и так – до последнего дня, если только мистическая рука не схватит наконец предопределенный ей ключ. И в этот день волшебная гора освободится от своих чар.

Сноски

- 1.Амру – мусульманский полководец, завоеватель Египта; умер в 1663 г. (Прим. пер.)
- 2.Алла акбар – великий аллах (арабск.). (Прим. пер.)
- 3.Джинны – фантастические существа в арабском фольклоре. (Прим. пер.)